

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, САМОРЕГУЛЯЦИЯ, ГАРМОНИЯ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

Автор предпринимает масштабное многоплановое исследование, призванное определить соотношение таких важных психологических понятий, как «индивид», «субъект», «личность», «личностность», «индивидуальность» и др., которые на методологическом уровне по сей день остаются в психологии до конца не продуманными. В работе предпринимается попытка не только очертить каждое из этих понятий, но и выстроить систему их соотношений. Выбирая берновскую схему «Ребенок-Родитель-Взрослый», автор по-новому рассматривает идею принципиальной внутренней диалогичности сознания и открывает возможности обсуждения ряда конкретных проблем, в частности, – проблемы саморегуляции. Экспериментальное исследование саморегуляции, проведенное на основе предложенных теоретических конструкций, позволило автору статьи сформулировать своего рода «золотое правило гармонии» во взаимоотношениях человека с миром.

1. «“Индивид”, “субъект”, “личность”: нужна ли психология“ на троих ”?»

В этом броском и остроумном высказывании, принадлежащем В.П.Зинченко, я слышу грустную для себя ноту: «А нужна ли вообще дискуссия о том, как понимать эти термины?», «Стоит ли, как говаривал Г.П. Щедровицкий, “огород городить” вокруг трех выше упомянутых понятий: “индивид”, “субъект”, “личность”, да еще и добавлять к ним четвертое – “индивидуальность”?!» Мне не кажется вдохновляющей перспектива перелицовывать старые термины, поддаваться очарованию новых. Я не буду включаться в дискурс, побуждаемый едким вопросом.

Подчеркну другое.

Говоря о сегодняшнем дне «психологии личности» на Российских просторах, замечаешь: интересы коллег все чаще ограничиваются контурами условного квадрата, четыре вершины которого: «психография» (то есть сбор и, часто, терминологическое кодирование эмпирических фактов), «психософия» (глубокие размышления о душе, необязательно религиозные), «психофилия» (любовь ко всему загадочному, необычному в психической жизни) и широкомасштабное «психотворчество» (попытки реализовать старый проект инженерии человеческих душ). Психология личности среди этих исканий занимает не столь уж видное место. Долгое время в общей психологии царила «методология», совокупность подходов, так и не породивших теории. Да и сейчас, в силу непобедимой силы инерции, методология – все еще затянувшиеся роды теории.

Но теоретические разработки все-таки существуют, требуя уточнения своих базовых терминов. Несмотря на предупреждающие знаки: «копать нельзя», «крутой поворот», «проезд запрещен», у некоторых исследователей еще, как ни странно, сохраняется интерес к экспериментальным разработкам в области психологии личности, – разработкам, строящимся на новых теоретических основаниях.

Эта статья затрагивает проблему *индивидуальности* в контексте *мультисубъектной теории личности* (Петровский В.А., 1981; 1996; 2006). В данной теории представлены такие понятия, как «индивид», «субъект», «личность», «личностность», «индивидуальность» и др. Как они соотносятся? Постановка этого вопроса значима для обсуждения ряда конкретных проблем, и, в частности, – проблемы саморегуляции индивида, что придает вполне «земной» смысл нашим теоретическим исканиям и дискуссиям.

Термину *индивид* («индивидуум») в психологии соответствует представление о живом существе, сходном с другими живыми существами (о них говорят как об «отдельных представителях одного и того же вида»), причем сходство понимается как общность психофизических свойств, обеспечивающих их существование в определенной среде обитания, своего рода «сумма психотехнологий» жизни. Независимо от того, идет ли речь о человеке – носителе сознания или, например, о насекомых – обладателях сенсорной психики (А.Н. Леонтьев подчеркивал присутствие у них психических свойств «гораздо более уверенно», чем

у высших инфузорий), под термином «индивид» подразумевается некое «психофизическое целое», а, следовательно, и проблески «субъективности»: чувствительность, чувствования, «чувственная ткань», ощущения, переживания и др.¹³

Однако, субъективность, как таковая, еще не делает индивида «субъектом». Понятие субъекта значительно богаче определениями. *Субъект* – и таков образ субъекта в культуре! – не просто ощущающее, живущее (движущееся, растущее) существо. Субъект заключает в себе источник своего существования. К примеру, он не просто *пребывает* в движении, а производит это движение *сам*, воспроизводя себя в процессе своего движения. «Быть субъектом» значит: воспроизводить себя, быть причиной своего существования, на философском языке – быть «причиной себя (“*causa sui*”)».

Из этого понимания вытекают четыре характеристики субъекта:

1) субъект – целеустремленное (то есть целеполагающее и целедостигающее) существо, иначе ни о каком «воспроизводстве» не может быть и речи;

2) субъект – рефлексирующее существо, обладатель образа себя; иное немислимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено;

3) субъект есть свободное существо (никто, кроме него самого, не отвечает за процесс, не направляет его и не заключает о том, что все завершилось или должно быть продолжено);

4) субъект – развивающееся существо, ибо ему приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой, среде, и по этой причине воспро-

---

¹³ Заметим, что в этом ряду «субъективности» отсутствует ядерный элемент, который я называю «анимумом». В отличие от всех вышеназванных и более сложных элементов, надстраивающихся над ним, *анимум* представляет собой первичное субъективное проявление психики, не соотносимое ни с одним из объектов во вне ни по одному из мыслимых качественных критериев (вкус, цвет, запах, звук, плотность, протяженность, вес, форма и т.п.). И, кроме того, *анимум* не совпадает ни с одним из рефлексивных свойств психики (например, с переживанием «это – во мне, внутри меня», или «это – во вне меня», «по ту сторону»). *Анимум* есть *переживание* бытия, а оно – попробуйте отличить! – есть то же самое, что и переживаемое *бытие*. Существование *анимума*, на мой взгляд, дает ответ на стародавний вопрос о продуктивности внимания: является ли внимание продуктивным процессом. Ответ: «Да», если иметь в виду, что внимание есть процесс актуализации базового психического элемента: то, чего не было, посредством внимания, теперь *есть* в сознании.

изводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности, условия и способы самовоспроизводства¹⁴.

Когда говорят о *личности* индивида, то, как раз и имеют в виду его способность быть *целеустремленным, рефлектирующим, свободным, развивающимся* существом, то есть полноценным (вполне раскрывшим свою суть, сущностные свои определения) *субъектом* активности в социуме. Подчеркиваю: «Так *говорят...*»; «Так *принято* говорить...» и т.п.

Однако вопрос состоит в том, насколько понятие «субъект» (равно как и «личность» в данном контексте) совместимо с понятием «индивид».

Анализ, предпринятый нам ранее, показывает, что, при общепринятой трактовке, эти понятия неконгруэнтны (*Петровский В.А.*, 1996). Но мы можем выделить, как минимум, четыре условия, выполнение которых позволяет индивиду приобрести статус подлинного субъекта активности (а стало быть, и шанс «быть личностью»). Перечислим эти необходимые условия.

Первое из них состоит в том, что частично преодолевается целевой хаос функционирования различных подсистем индивида (многие годы назад для их обозначения я ввел термин «заинтересованная подсистема» (*В.А.Петровский*, 1975), отталкиваясь от принципов «локального управления», выдвинутых в работах И.М.Гельфанда и И.М.Цетлина). В этом движении от целевого хаоса к целостности, никогда, впрочем, недостижимой, рождается способность к целеполаганию и целедостижению (произвольность), позволяющая индивиду воспроизводить себя, упорядочивая проявления собственной активности (возникает волевое «я», своего рода локальный центр управления).

Второе условие заключается в том, что произвольные действия приобретают активно неадаптивный характер (индивид предпочитает цели с не предрешенным результатом достижения: бескорыстный риск, творчество, прагматические формы общения, самопознания, исследованные нами ранее (1971-1983 гг.)).

Третье условие: индивид отражается в других людях значимыми для них (а не только для него самого) аспектами своего бытия, – обретая, как я говорю, свое «инобытие», идеальную представленность и продолженность в других людях. Таким образом, в зеркале другого, а на некотором этапе жизни и в зеркале собственного cogito, он находит ин-

---

¹⁴ Впервые данное понимание «субъекта» было опубликовано мною в главе 10 «Активность» учебника «Введение в психологию» (под общей редакцией проф. А.В. Петровского). М., Академия, 1996.

струмент воспроизводства, полагания своего «я» в других и в себе как другом.

Четвертое условие приобретения индивидом статуса субъектности заключается в том, что рано или поздно, но совершенно неизбежно он обнаруживает факт несовпадения своего «в себе и для себя» бытия («Я в самосознании») и «бытия в другом и для другого» («отраженное Я»). Этот факт становится источником развития индивида как личности и, в частности, возрастных кризисов развития.

Являются ли, однако, выделенные *необходимые* условия бытия индивида как личности в то же время условиями, *достаточными* для этого?

На данный вопрос мы также вынуждены ответить отрицательно, если продолжаем придерживаться традиционной, классической, точки зрения, согласно которой личность индивида «локализована» в пространстве жизни самого индивида (то есть является исключительно внутренней детерминантой его активности), и, кроме того, если, рассматривая «индивида как личность», мы по-прежнему видим в нем единственного субъекта активности, игнорируя факт множественности его «я».

Предлагаемая нами *мультисубъектная теория* исходит из того, что личность индивида представлена многими субъектами, в которых он фактически обнаруживает свое бытие; при этом выделяются два полюса: *индивидуальность* и *личностность*, а также динамика их перехода друг в друга (см. рис. 1).

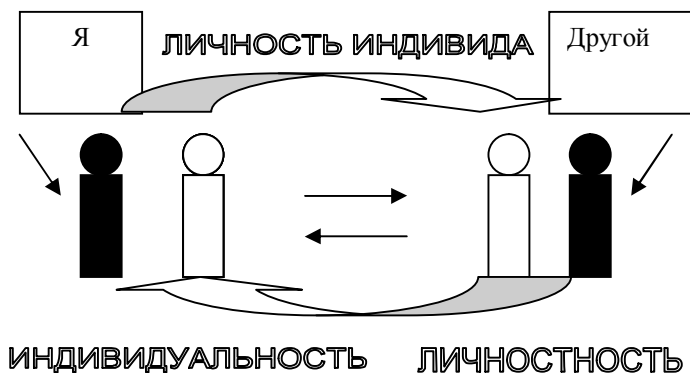

Рис. 1

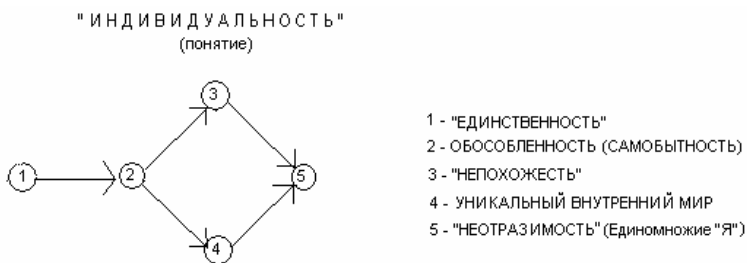
Ранее, говоря о полюсе «индивидуальности», мы ограничивались общими замечаниями, перенося основной акцент анализа на полюс

«личности». В данном случае мы можем отдать должное «индивидуальности», рассматривая ее под углом зрения мультисубъектной теории личности.

2. Индивидуальность – «неотразимость»

Число мыслимых психологических определений этого термина когда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно что-либо поделать. Каждый – по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает¹⁵... Интуитивные концепции индивидуальности – формализуются, латентные – легализуются, личные – превращаются в публичные. Было бы удивительным, если бы дефиниции, порожденные гением индивидуальности каждого из исследователей, совпадали. Существуют, доподлинно, такие категории в психологии, имя которым «контроверзы» (*Петровский А.В., Петровский В.А., 2000*). Достаточно кому-либо из нас, смелому, дать дефиницию, как кто-либо другой, отважный, непременно заявит, что дело обстоит равным счетом наоборот. Среди таких категорий-контроверз, я думаю, есть и занимающая нас сейчас категория «индивидуальности». Уникальность исследователя, спроецированная на терминологическое «пятно Роршаха», вот вам и рецепт построения искомого концепта!

В ситуации хаоса существующих и потенциально возможных определений термина «индивидуальность» могут быть выделены несколько опорных точек, позволяющих описать способы его психологического осмысления (см. рисунок 2).

Рис.2

¹⁵ Концептуально, мне близка ставшая уже крылатой фраза А.Г. Асмолова: «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» (*Асмолов, 1986*).

Первая точка – это общее значение термина «индивидуальность», укорененное в культуре и представленное в языке повседневной речи.

Четыре других точки указывают на область возможных психологических интерпретаций данного термина, значимых для проведения специальных теоретических и эмпирических исследований индивидуальности.

Начнем с центральной, «лингвистической», точки отсчета – «1».

У Александра Блока, в дневнике, есть запись, которую цитирует Георгий Адамович в своей статье о Зинаиде Гиппиус (Адамович, 2004). Всего три слова: «*Единственность Зинаиды Гиппиус*».

1. *Единственность*. Быть чем-то единственным, как говорят, «единственным в своем роде», – самая суть «индивидуальности» (как она осмысливается в культуре): уникальность, своеобразие, отличительность индивида. Здесь же и основание для выделения производных смысловых форм; они представлены сложными комбинациями слов, оттеняющими разные грани понятия «индивидуальность» (символизируются точками 2, 3, 4, 5).

2. *Обособленность (Самобытность)* – социо-природно-культурная неслиянность, нетождественность индивида с кем-либо или с чем-либо; уникальный узор разнородных «образующих» индивида (между ними существуют, по словам В.С. Мерлина, «много-многозначные» связи).

3. *Непохожесть* – несходство с другими, значимое для других. Термин «непохожесть» заимствуем у автора «Бригантины», поэта Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошевой уют!...» Пафос поэта, разумеется, не распространяется на «акцентуации характера» (в этой связи, еще один пример «непохожести»: для «тихого невротика» проблема заключается в нем самом, психопат – проблема для окружающих).

4. *Уникальный внутренний мир*. В данной трактовке индивидуальности автор солидарен с В.Д. Шадриковым (2006). При этом я подчеркиваю три момента:

- *Самоценность*: привилегированное положение «внутреннего», по сравнению с «внешним»: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» (А.Г. Асмолов);
- *Надситуативность*: индивид поднимается над ситуацией, преодолевая внешние и внутренние ограничения в реализации себя как субъекта (в этой связи мы говорим не только о «надситуативности», но

и об «активной неадаптивности» индивида, – о постановке целей, мотивированных непредрежденностью результата их достижения)¹⁶;

• *Потаенность.* Индивидуальность *всегда* остается за кадром для других, значима для самого человека и в этом смысле являя собой признак «для себя бытия» – его единственности. Мне близка в этой связи точка зрения А.Г. Асмолова и В.Н.Дружинина, согласно которой психика человека обладает самодвижением, одно из проявлений которого – творчество – порождает в ходе жизни множество «субъективных миров»; и лишь некоторые из них будут реализованы. Я бы хотел особо подчеркнуть эту мысль: «внутренний мир человека», никогда не обнаруживаемый до конца, не редуцируемый к чему-то внешнему и, вместе с тем, интригующий наблюдателя своей трансцендентностью, есть характеристика индивидуальности, я бы сказал, *по определению*: как нечто своеобразное, данное только этому человеку и для него значимое; бытие в качестве «самости» как предела «индивидуации» (К. Юнг).

Иногда здесь можно разглядеть основание для игр-заигрываний с окружающими. Как говаривал Эрик Берн, спереди на футболке написано: «Никто не знает, что я испытал!..», а со спины – «Никто и не узнает!» (*Берн, 2004*). Вдобавок, не всегда, конечно, это своеобразие есть основание для игр и интриг, не только с другими, но и с самой собой¹⁷.

---

¹⁶ В разные годы экспериментально автором и под его руководством были исследованы такие формы «надситуативности», как «влечение к краю» (тенденция индивидов действовать вблизи пространственного маркера границы), «бескорыстный риск», превращение не творческой деятельности в творческую, непрагматический отказ от подсказок и пр., а также сценарные решения, ограничивающие возможности «надситуативного» поведения (*Максимова, 2006*). Получены экспериментальные подтверждения того, что надситуативная активность образует ядро одаренности личности, независимо от сферы проявления одаренности – (в совместных исследованиях с В.Г.Грязевой и Н.М.Маркиной (2003)). Исследования показывают, что основу подобных актов образует собственная динамика деятельности, фонд новых возможностей («могу») как источник новых побуждений к действию («хочу») (*Петровский В.А., 1975; 1976; 1992*). Личность избыточна в своих проявлениях, действует над порогом ситуативной необходимости, неадаптивна; активность личности не выводима из социального и не сводима к нему (*Петровский В.А., 1976*).

¹⁷ В Интернете однажды я прочитал: «Все «скорпионы» похожи... Все знаки Зодиака одинаковы... – Чушь! Ты – индивидуален!». Чувствовать себя не просто каким-нибудь обыкновенным скорпионом, а скорпионом с индивидуальностью – это, конечно, замечательно! Об этом можно мечтать!

Здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой, – противоречием, которое можно считать *базовым* в психологии индивидуальности. Если моя неповторимость, «единственность» есть ценность, если все дело в ней, если я без нее не единица, а ноль, то субъектность не составляет сути индивидуальности. Потому что существовать – значит: воспроизводиться, повторяться, отражаться в ком-то. Повтор, вторичность по отношению к себе, – это удар по ценности неповторимости. А сознание – будь то чужое сознание или мое самосознание – удваивает, и, стало быть, не может не разрушать то, что удвоению не подлежит.

5. *Неотразимость*. Истина индивидуальности – в невозможности получить сколько-нибудь заверченный и внутренне достоверный автопортрет индивида как субъекта активности. Детский вопрос: «Сколько яиц можно съесть натощак?» Хорошо известно, что только одно: ведь второе – это уже не натощак. Так и с индивидуальностью как единственностью. Удвоению не подлежит. Индивидуальность есть то, что, будучи своеобразием индивида, неотразимо (в чужом сознании или самосознании – неважно), ибо ценность этого своеобразия именно в том, что оно непередаваемо, невоспроизводимо, дорефлексивно, исключает повтор.

Я бы сказал так: если мы придаем единственности и неповторимости индивида статус особой ценности, рассматриваем эту ценность как сущностную характеристику индивидуальности, то индивидуальность никогда не имеет формы чего-то ставшего, наличного, обретенного, а всегда пребывает в состоянии становления. Индивидуальность человека это его неотразимость. Выделим этот тезис особо:

«ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ = НЕОТРАЗИМОСТЬ».

Заметим, здесь есть несовпадение с понятием «личность». Личность индивида, как мы уже говорили, подразумевает открытую для него возможность отражаться в других. Но только индивидуальность, и именно индивидуальность, неотразима. И не только в том смысле, в каком говорят, что «кто-то подпадает под влияние кого-то», «не может отразить его влияния», «поставить щит», но и что этот другой остается некой загадкой. Он по ту сторону моего полного знания и понимания.

Для себя так: я могу знать что-то, и при этом не знать, что знаю. В этом, как известно, отличие «проблемного» («я знаю, что я не знаю»), от потаенного, тайного («не знаю, что знаю»).

Рассмотрим некоторые иллюстрации.

Знает ли Гамлет Лаэрта?

«О з р и к. Вам безызвестно, какими совершенствами обладает Лаэрт.
Г а м л е т. Этим знанием я не могу похвастаться, чтоб не равнять себя с ним, так как знать другого совершенно – значит знать самого себя».

Знал ли себя совершенно Гамлет? Был бы Гамлет Гамлетом, если бы знал себя наперед?

Разумеется, можно попытаться выразить одно неизвестное через другое, но это абсолютно бессмысленное дело...

«Таким путем» – пути не будет

Известно, что бывает, когда в отношениях супружества говорится: «Я знаю его», «Я знаю ее»: близится распад, в лучшем случае стагнация отношений. А поэзия отношений – это всегда «езда в неизвестное», или, как я предпочитаю говорить, «в непредрежденное...».

Я – не ровня ему (ей), даже если он (она) – это я

Итак, подобное понимание индивидуальности – удар в самое сердце идеи субъектности, если, конечно, отождествлять, как это обычно делается, «индивидуальность» с «субъектностью». В действительности же, **ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ≠ СУБЪЕКТ.**

Почему? Одним из определяющих признаков «субъекта» должна являться, по Сартру, «интеллигибельность», то есть самопрозрачность, самоданность. Напомним, «субъект» – целепологающее, целедостигающее существо, обладающее образом самого себя и результата того, что делает. Картезианское «Я мыслю» – это всегда «я мыслю, что я мыслю» (М. Мамардашвили). Но ведь помыслить себя – это повторить себя в рефлексии, а «индивидуальность» неповторима, она всегда «первой свежести».

В этом случае нам важно понять, как такое возможно. Одно из решений состоит в том, чтобы психологически интерпретировать индивидуальность как *мультисубъектное образование*. В то время как «единственность» – *лингвистическая* точка опоры в развертке интересующего нас понятия, «единомножие Я» – вторая искомая точка, острое *психологической* трактовки этого термина. Итак,

**ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ = МУЛЬТИСУБЪЕКТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ = ЕДИНОМНОЖИЕ «Я».**

Не одно «я», а множество «я», или, как говорили старые русские философы, «единомножие» «я», – вот это и есть подлинная индивидуальность, если, конечно, принять, что композиция этих «я» уникальна, неповторима. Такой взгляд радикальным образом противостоит мнению о том, что индивидуальность это субъект деятельности, – как бы широко не понимать деятельность. Я думаю, А.Н. Леонтьев, говоря о полимотивированности деятельности (*Леонтьев, 1975*), забрасывал вперед, в будущее, идею мультисубъектности личности, а в повороте «на индивида» – идею мультисубъектности индивидуальности. И этот «заброс» в будущее имел «замах» в прошлом – в работах Л.С. Выготского, с его идеей интериоризации «субъект-субъектных» отношений. С.Л. Рубинштейн, мне кажется, был близок к этому взгляду, когда гово-

рил, что «каждое я», поскольку оно есть и всеобщность «я», есть «республика субъектов» (*Рубинштейн, 1973, с.337*).

Личность, как объемлющая система, а внутри нее индивидуальность как ее особая ипостась, представлены множеством субъектов (множеством «я»), в которых обнаруживает свое бытие индивид. И они, эти субъекты, *наверяд ли* могут быть поняты как покорные исполнители воли некой высшей инстанции, «верховного субъекта» или «монарха». Ведь республика есть республика, и если какой-нибудь республиканец попытается узурпировать власть, ему это будет сделать непросто.

Я мог бы назвать ряд направлений в психологии и психологических системах, в которых личность, индивидуальность рассматривается как содержащая в себе множество субъектов и через них понимаемая. Фрейдовские интроекты, архетипы Юнга, фигурки сна Минделла, различные «я» Ассаджиоли, наконец, федерновские, а далее берновские эго-состояния, такие как Родитель, Взрослый, Дитя, множественные идентификации – «идентичности».

Продуктивное понятие «бинарный субъект», введенное В.Е. Лепским (*Лепский, 2007*), выражает факт сосуществования и координированной деятельности двух источников и центров активности в составе индивидуальности, их несводимость друг к другу, и в то же время невы выводимость из какого бы то ни было «центрального» «я», лежащего в их основании.

Этот список может быть расширен, если иметь в виду работы Джона Брэдшоу, Гэл и Сидры Стоун и др. авторов. Спектр разработок по проблеме множественной идентичности представлен в работе Е. П. Белинской (2005). Современные авторы выделяют феномен многоликого «возможного Я» (Розенберг, Каплан, а также Маркус, Нуриус и др. авторы – *там же*).

Четверть века назад автор этих строк провел свои первые исследования феноменов инобытия человека в человеке, идеальной представленности и продолженности в нас других людей, их «отраженной субъектности», их «личности» (*Петровский В.А., 1981; 1992*). Они также могли бы быть приобщены к этому списку.

3. Индивидуальность: триумвират субъектов

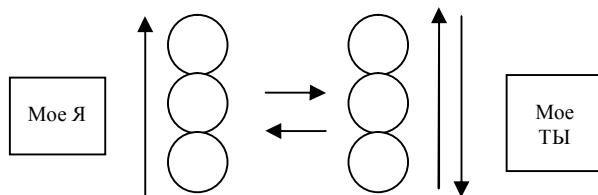
Среди авторов-психотерапевтов, понимавших суть несовпадения разных «я» и непредставимости индивидуальности как формы существования «Верховного “я”», ближе всего мне Эрик Берн. Я уже писал о том, что Берн – это Выготский современной психотерапии (*Петровский В.А., 2001*), создатель, как он сам ее называл, *социальной психиатрии*,

рассматривающей психику как поле брани интериоризированных значимых других (сам он, впрочем, не использовал таких слов...).

Берновская модель позволяет по-новому взглянуть на классические сюжеты диалогичности сознания, оставленные нам в наследство М.М. Бахтиным, раскрыть психологическое своеобразие взаимоотношений между такими полюсами сознания, как «Мое Я» и «Мое Ты» (у Ф.Д. Горбова, Я – ВТОРОЕ Я). Фактически, мы признаем и можем прочувствовать существование «Моего Ты», когда спорим с собой, приказываем себе, убеждаем или «отпускаем» себя, хвалим или успокаиваем. «Возьмите себя в руки», – сказали ему; и он взял себя в руки, прижал к груди и отнес в тихое место. Нечто подобное я прочитал некогда у одного писателя. Оставим это в качестве метафоры для «Моего Ты».

Каждое «Мое Я» и «Мое Ты» могут быть представлены в виде трехчастной структуры Родитель, Взрослый, Дитя (Петровский В.А., 2001):

Транзакции в пространстве индивидуальности

Рис.3.

Примечание: Стрелочками обозначены потоки катексиса.

Различение и соотнесение конструктов «Мое Я»– «Мое Ты» послужило основой для проведения ряда экспериментов, проясняющих трактовку личности как «единомножия» взаимодействующих субъектов (см. рис. 3)

Один из примеров: в дипломном исследовании М.В.Анисимовой (2003) фиксировались внутренние диалоги «Мое Я»– «Мое Ты» в момент решения испытуемым интеллектуальных задач. При различении, в процессе всех этих самообращений и ответов самому себе, эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя» выяснилось, что нахождение ответа на вопрос задачи подразумевает Взросло-Взрослую внутреннюю коммуникацию; при этом Родительско-Детские внутренние транзакции не содействуют решению.

Эти и многие другие данные, полученные в русле мультисубъектного подхода, содействуют преодолению мифа (или, точнее, некоего скрытого постулата) изначальной «моносубъектности» личности. Между тем, именно он лежит в основе большего числа исследований, как психологических, так и социологических, в которых мы застаем человека перед лицом выбора. Выбор имеет под собой по преимуществу мультисубъектную основу, особенно, если речь идет о выборах важных, судьбоносных, то есть экзистенциальных. Наш тезис состоит в том, что:

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ – МУЛЬТИСУБЪЕКТНЫ.

Отталкиваясь от транзактной модели личности, мы с коллегами (Ж.В. Пыжиковой и М.К. Худышевой (*Худышева*, 2004)) предлагали испытуемым проранжировать 16 жизненных ценностей – с позиций в одном случае Дитя (мечты, сокровенные желания), во втором – Родителя (голос долга), в третьем – Взрослого (разумный взгляд, то, что человек сам считает для себя необходимым делать). Выяснилось, что процент значимых корреляций между выборами с позиций трех указанных эго-состояний минимален. Чаще всего значимые корреляции встречаются между двумя инстанциями (Родитель – Дитя; Родитель – Взрослый, Взрослый – Дитя), но еще чаще – отсутствие корреляций: ортогональность предпочтений. Подобная ситуация напоминает хрестоматийный триумвират таких «субъектов», как Лебедь, Рак да Щука? И, следовательно, правомерен вопрос: «Если я выбираю, то кто во мне выбирает?».

В недавних исследованиях (дипломная работа студентки МГППУ О.Паниной) удалось показать, что понятие самооценки личности расщепляется минимум на три: «самооценка Взрослого», «самооценка Родителя» и «самооценка Дитя», причем все три – статистически независимы друг от друга.

Все сказанное отнюдь не означает, что индивидуальность, будучи отличной от субъекта как рефлектирующего себя, целеустремленного и целедостигающего существа, лишена возможности обнаруживать во вне субъектность составляющих ее «частей». В случае, если Взрослый берет на себя эту роль, «простраивая» свои отношения с другими внутренними субъектами и подчиняя их своей воле, такой процесс может рассматриваться как *саморегуляция*.

4. Транзактная модель саморегуляции в структуре индивидуальности

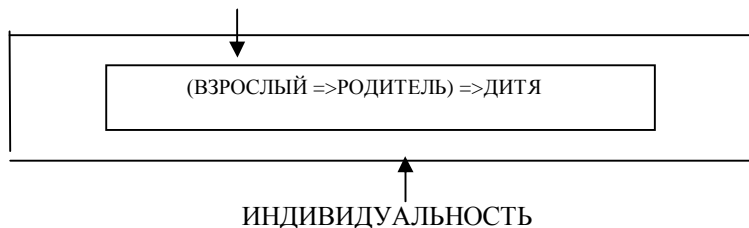
Переходя к описанию процессов саморегуляции в структуре индивидуальности, мы рассматриваем координацию таких агентов активно-

сти, как эго-состояния Взрослый, Родитель и Дитя, а также – эго-систем (Взрослый => Родитель) и ((Взрослый => Родитель) => Дитя):

Транзактный контур саморегуляции

(мультисубъектное представление):

СУБЪЕКТ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Рис.4

Представленные на схеме (рис.4) эго-состояния и эго-системы рассматриваются как носители запросов и ресурсов, соотношение которых детерминирует выборы, совершаемые индивидом. Запросы Взрослого опираются на ресурсы, предоставляемые Родителем, а Взросло-Родительская эго-система рождает запросы, опирающиеся на ресурсы Дитя. Стрелочка «=>» характеризует механизм реализации запросов через ресурс.

Взрослый выступает здесь как субъект регуляции, Родитель – как посредник, а Дитя – как объект регуляции. Будем называть эту схему – или, если воспользоваться изящным словом О.А. Конопкина и представителей его школы (Конопкин, 1980; Моросанова, 1998; 2006; Конопкин, Моросанова, 2004) «контур» саморегуляции, – *эго-построением Взрослый-Родитель-Дитя (или, кратко, ВРД-построением)*. Вслед за этими авторами, позволим себе, таким образом, на свой страх и риск, говорить о *транзактном контуре саморегуляции*.

Он объединяет в себе следующие переменные, принимающие рациональные значения на отрезке [0, 1]:

- **w** (состоятельность индивидуальности),
- **x** (интенции к действию со стороны Взрослого – «намерен», «считаю»),
- **y** (директивы Родителя – «следует делать», «вот что требуется», «ты должен»),
- **z** (чаянья Дитя – «хочу», «мечтаю», «полагаюсь на чудо»),
и связывающий их оператор метаимпликации: $\rightarrow^*$ («запрос опирается на ресурс»).

Все сказанное нами ранее о внутренних и внешних возможностях каждого из агентов, образующих индивидуальность, о соотношении запросов и ресурсов, уровне притязаний и уровне состоятельности – все это сохраняет свое значение применительно к перечисленным эго-состояниям и эго-системам. И, таким образом, мы переходим от мультисубъектной к метаимплекативной модели саморегуляции:

ТРАНЗАКТНЫЙ КОНТУР САМОРЕГУЛЯЦИИ

(метаимплекативная модель):

$$W \text{ Индивидуальность} = \langle \langle X \text{ Взрослый} \rightarrow * U \text{ Родитель} \rangle \rightarrow * Z \text{ Дитя} \rangle$$

Предложенная мною модель в первой редакции была названа *транзактной моделью рефлексивного выбора* (Петровский В.А., 2001а). Она представляла собой транзактную версию «рефлексивной модели нормированного поведения» Т.А.Таран (Таран, 2000). Транзактная модель рефлексивного выбора была для автора не только поводом к формализации некоторых положений транзактного анализа и собственных разработок в области мультисубъектной теории личности, но и инструментом психологического консультирования, в качестве дополнительного стимула продвижения клиентов в решении их личных проблем. Из данной модели, чисто формально, следовало, что нереализованные мечты Дитя поддерживают личность в состоянии постоянной готовности к поиску объекта мечты. Это, к слову сказать, соответствовало взглядам Зигмунда Фрейда. Любопытно, что в случае, когда Дитя «отворачивается» от чего-то значимого, с точки зрения других частей индивидуальности, то единственная сила, способная повлиять на его выбор (в сторону предпочтения объекта), – Взрослый. Только Взрослый, и никто другой, может «угovorить» Дитя; главное, чтобы Родитель не слишком помогал в этом Взрослому. Есть и другие наблюдения того же рода, прогнозируемые на основе транзактной модели выбора и подтверждаемые практикой.

Позже были предприняты шаги к экспериментальной апробации модели. Вместе с О.В. Митиной (Митина, Петровский В.А., 2004) мы сопоставили оценки, которые индивид получал по шкалам опросников Кетелла и Айзенка, с оценками терминальных ценностей – с позиций Взрослого, Родителя и Дитя, а также – с мультисубъектной (интегральной) оценкой этих ценностей (среди них такие, как «Творчество», «Активная деятельная жизнь», «Свобода», «Честность» и др.).

Нас интересовало, насколько «работает» предложенная модель «стыковки» Взрослых, Родительских и Детских интересов. Будет ли предпочтение ценностей, «вычисленное» по модели, соответствовать характеру людей, совершающих выбор? Это, собственно, и подтвердилось. Кроме того, полученные данные углубляют представления о

взаимосвязи ценностей, которые исповедует личность, и граней индивидуальности как мультисубъектного образования.

Например, выясняется, что ценность *Творчества* выбирают люди с низкими показателями по фактору «G» (Кетелл), то есть морально независимые, свободно трактующие существующие правила. Люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают *Свободу*, а с низким (характеризующимся сильным суперэго) – *Честность*.

Таким образом, мультисубъектные предпочтения, вытекающие из метаимплицативной модели выбора, по-видимому, неслучайным образом связаны с определенными индивидуальными проявлениями, то есть семантически им адекватны.

Понятие «саморегуляции» *вообще* выступит перед нами с большей отчетливостью, если мы противопоставим его другим эго-построениям: например, $(D \Rightarrow V) \Rightarrow P$, $(P \Rightarrow V) \Rightarrow D$, $(D \Rightarrow D) \Rightarrow V$, $(V \Rightarrow V) \Rightarrow V$ ¹⁸ и т.п.. Во всех этих случаях перед нами не «саморегуляция», а, скорее, процессы либо противоположные ей по сути, либо лишшающие ее специфической функции – настраивать индивидуальность на поведение, адекватное реальности «здесь и теперь», опосредствуя отношения между опытом, заимствованным у других, и собственным архаичным опытом жизни (эго-состояниями Родитель и Дитя).

В этом плане представляет интерес исследование «действенности» эго-состояний (Петровский, июль 2002; Петровский, Таран, 2002), то есть меры соответствия готовности индивидуальности к действию от: 1) Интенций Взрослого («интенциональные выборы»), 2) Указаний Родителя и 3) Чаяний Ребенка. Вычислялись значения коэффициентов корреляции Л («Л» – «личность»), готовность индивидуальности к выбору, определяемая согласно формуле эго-построения РВД) с каждым из эго-состояний Д, Р, В для каждого респондента. Согласно нашей гипотезе, эго-состояния и готовность индивидуальности к выбору Л, как функция от эго-состояний, должны детерминировать определенные черты характера, выявляемые с помощью стандартных опросников. В результате специальной математической обработки данных (метод детерминационного анализа Чеснокова), количественно определялась степень детерминированности личности со стороны эго-состояний Взрослый, Родитель, Ребенок: высокая существенность детерминации Л со стороны

---

¹⁸ Первый опыт обсуждения этих отношений содержался в (Петровский, 2002а).

эго-состояния В, Р или Д свидетельствует об акцентуированности личности в качестве носителя данного эго-состояния. Вводя представления о Взрослой, Родительской и Детской акцентуациях, мы, по предложению О.В.Митиной, вводим также и новые имена для «акцентуантов»: «Человек-Взрослый», «Человек-Родитель» и «Человек-Ребенок» (результаты нашего совместного исследования отражены в статье (Митина, Петровский, 2004)).

Приведем некоторые из полученных данных.

«Человек-Родитель» характеризуется внутренним локусом контроля (как в области неудач, так и в ситуациях, связанных с достижением успеха).

«Человек-Взрослый», руководствуясь принципами целесообразности, отказывается признавать себя виновным во всех неудачах, соблюдая в этом принцип разумной середины.

«Человек-Ребенок» полностью отказывается признавать себя ответственным за неудачи.

Высокие показатели по фактору G (сила - слабость Сверх-Я) детерминируются эго-состоянием Родитель, а низкие – Ребенок. Человеку-Родителю легче выдержать серьезные трудности, чем пойти против своей совести. Принятых правил морали он придерживается не потому, что это выгодно, а потому, что считает это своим кредо. Если деятельность акцентуированного Родителя сопровождаются частые конфликты, то это, скорее всего, связано с тем, что он слишком последовательно и прямолинейно проводит в жизнь свои принципы.

Человек-Ребенок часто демонстрирует моральную независимость, существующие правила трактует свободно, дает окружающим повод сомневаться в своей надежности. Его несобранность расценивается людьми как пренебрежение интересами тех, кто вместе с ним вкладывает усилия в общее дело, что, в свою очередь, может послужить причиной низкой оценки деловых качеств. Возможно, он не всегда находит нужным соблюдать общепринятые требования и нормы поведения. Принципы, по которым живет акцентуированный Ребенок, далеко не всегда понятны окружающим.

Эго-состояние Родитель детерминирует высокие показатели по фактору Q3 (высокий - низкий самоконтроль поведения), что свидетельствует об организованности, умении контролировать себя, способности упорно и планомерно следовать поставленной цели. Человек-Родитель хорошо сознает социальные требования, старается их выполнить, заботится о своей репутации.

В противоположность этой детерминации эго-состояние Ребенок детерминирует низкие показатели по фактору Q3, свидетельствующие о

пониженном самоконтроле, импульсивности, жизни по настроению. Человеку-Ребенку трудно организовать, продумать и упорядочить свою деятельность, подчинить желания требованиям дела.

Существуют личностные характеристики, задающие оппозицию между разными эго-состояниями. Так, шкалы Интернальность - Экстернальность в области неудач, Сила Сверх-Я - Слабость Сверх-Я, Контроль желаний - Импульсивность задают оппозицию Родитель - Ребенок.

Таким образом, в контексте многофакторного исследования индивидуальности, при использовании схемы эго-построения РВД, $(B \Rightarrow P) \Rightarrow D$, мы получаем вполне согласующиеся с транзактными представлениями и нашей собственной интуицией факты: личностные черты индивидуумов, устанавливаемые по многим методикам, *соответствуют* тем выборам, к которым их «подталкивают» эго-состояния Взрослый, Родитель, Ребенок¹⁹.

Эти исследования подготавливают нас к постановке вопроса о том, насколько совершенной является саморегуляция индивидуальности, если иметь в виду сопоставление свойственных ей запросов (уровень притязаний различных агентов в структуре личности) и их достижений.

5. «Совершенная» и «несовершенная» саморегуляция

При разграничении «совершенной» и «несовершенной» саморегуляции мы опираемся на критерий «реализма» (уровень притязаний = уровень состоятельности). Различаем при этом две формы состоятельности:

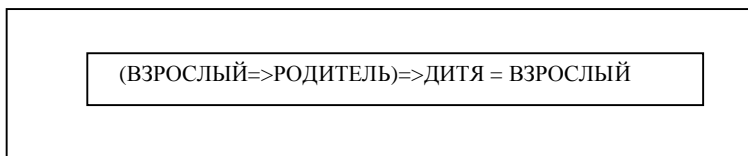
- субъективную состоятельность, как результат импликации $x \rightarrow y$ (Взрослое «считаю необходимым» с опорой на Родительское «ты должен»)
- внутреннюю состоятельность, как результат импликации $(x \rightarrow y) \rightarrow z$ (Взросло-Родительские амбиции, опирающиеся на чаяния Дитя). (Ограничиваясь анализом процессов саморегуляции во внутреннем пространстве бытия индивидуальности, мы лишь отчасти затронем далее объективную состоятельность как результат импликации $((x \rightarrow y) \rightarrow z) \rightarrow f$, где f – внешний ресурс, с которым фактически имеет дело индивид, и о свойствах которого он может узнать лишь постфактум).

---

¹⁹ Существуют примеры опытной оценки *меры* соответствия данных эмпирического исследования интуиции экспертов (Петровский В.А., 1996; Митина, Петровский, 2001). Но обсуждение этого вопроса выходит за пределы целей настоящего исследования.

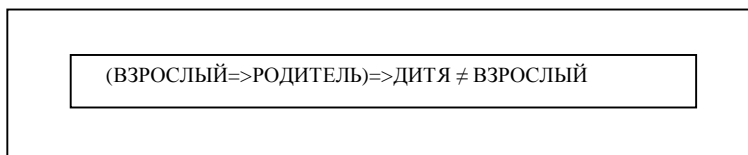
1. Совершенная саморегуляция. Мы называем саморегуляцию совершенной в том, и только в том случае, когда интенции Взрослого совпадают с внутренней состоятельностью индивида. Имея в виду этот особый случай, мы могли бы сказать: каковы намерения Взрослого, такова и состоятельность индивидуальности как целого (то есть ее внутренняя подготовленность действовать в соответствии с принятым намерением) (см. рис. 5).

Совершенная саморегуляция

2. Несовершенная саморегуляция, как ни прискорбно, богаче исходами. Во всех мыслимых случаях мы могли бы записать:

Несовершенная саморегуляция

Рис.5

В психологическом плане представляют интерес, по крайней мере, два случая (используем сокращенную запись):

А) $(V=>P)=>D = P (P \neq V)$

Б) $(V=>P)=>D = D (D \neq V)$

Случай А) – пример несовершенной саморегуляции, которая может быть обозначена как *драйверное поведение*²⁰. Следуя указаниям: «Будь Сильным!», «Будь лучшим!», «Старайся!», «Радуй других!», «Торопись!», человек входит в негативные сценарии, такие как «Никогда...» («Тантал»), «Пока не...» («Геракл»), «Опять и опять...» («Арахна»), «Почти...» («Сизиф»), «Потом...» («Дамокл») и др.

Случай Б) – пример несовершенной саморегуляции, которая, в терминах транзактного анализа, может быть адекватно описана как *сход с драйвера* (Джойнс, Стюарт, 1996). Перед нами «прорывы сценария»,

---

²⁰ Термин «драйвер» был введен транзактным аналитиком Таиби Калером (см.: Джойнс, Стюарт, 1996).

выражающиеся в том, что взрослый человек следует своим ранним (детским) решениям: «Не будь!», «Не взрослей!», «Не доверяй никому!», «Не думай!», «Будь беспомощен!» и т.п., а также проявляет необузданную раскованность, импульсивность, легкомыслие.

Примеры несовершенной саморегуляции не исчерпываются случаями А) и Б). Могут быть рассмотрены и другие формы несоответствия между объективной готовностью действовать определенным образом и субъективной склонностью индивидуума действовать намеченным образом. Несостоятельность субъекта здесь может быть осмыслена так: «Взрослый *не в состоянии* действовать так, как считает нужным».

6. «Задача по вкусу»: реализм выбора

Можно предположить, что, выбирая для себя задачу «по вкусу» и оценивая перспективы ее решения, люди, как правило, придерживаются стратегии *реализма*, то есть соответствия субъективных интенций к действию (намерения) и объективной нацеленности на его осуществление (внутренняя состоятельность).

Поделимся результатами пилотажного исследования, посвященного проверке этой гипотезы и предпринятого автором на небольшой выборке (37 человек). Испытуемым предлагалось передать свои мысли и чувства при решении наиболее привлекательной для них задачи, – «задачи по вкусу» («идеальной задачи»). Ниже мы приводим список отобранных вопросов, на которые они должны были ответить с помощью шкалы «редко - часто», поставив на ней крестик «х» в соответствующей точке. Читатель увидит справа от каждого из вопросов в фигурных скобках числа «1» или «0». Они заведомо маркируют присутствие или отсутствие в утверждениях таких моментов, как «намерение действовать» (первый элемент), «предвидение позитивного исхода» (второй элемент), «предчувствие позитивного исхода» (третий элемент). В самом опроснике, разумеется, эта маркировка отсутствовала.

Итак, требовалось ответить на общий вопрос о том, как часто, при решении такой задачи, сам респондент:

1. перепроверяет себя, пытаясь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность)? {1,0,1};

редко ----- часто

2. считает нужным дожидаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагается на удачное стечение обстоятельств, как бы наталкивающих на открытие)? {0,1,1} (оценочную шкалу далее не изображаем);

3. исходит из необходимости «отмести» версии, кажущиеся сомнительными? {1,0,0};

4. думает: «вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше» (да только, увы, не будет этого)? {0,1,0};

5. верит в то, что не совершит ошибки, действуя так, а не как-то иначе? {1,1,1};

6. отказывается решать задачу по-старому, «отстраивается» от ситуации, внутренне подготавливается к новому решению («переключается»)? {0,0,1};

7. не хочет ничего делать, нет никаких идей, не испытывает ничего, кроме ощущения полной бесперспективности? {0,0,0};

8. думает: «Надо попробовать!», хотя и чувствует, что это совершенно напрасно? {1,1,0}²¹

При обработке материалов крайнему левому положению крестика на шкале придавалось значение 0%, а крайнему правому – значение 100% (все другие значения рассматривались как пропорциональные расстоянию между местонахождением крестика на шкале и крайней левой ее точкой). Таким образом, по каждой из восьми шкал ($i = 1, 2, 3, \dots, 8$) мы получали характеристику «субъективной встречаемости» F_i состояния s_i . Величину F_i рассматриваем как абсолютную весовую характеристику «субъективной встречаемости» состояния s_i , а величину $f_i = F_i / (F_1 + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6 + F_7 + F_8)$ как показатель относительной субъективной встречаемости данного состояния. Показатели относительной субъективной встречаемости могут рассматриваться как «слагаемые успеха» в процессе решения задачи «по вкусу».

Далее определяется, как часто, с точки зрения самих испытуемых, они склонны действовать, а не избегать действия, то есть – *сила интенции*. Этот показатель произведен от состояний: «бдительность» {1,0,1}, «скептицизм» {1,0,0}, «надежда умирает последней» {1,1,0}, «уверенность в успехе» {1,1,1}. *Сила интенции* = $f_1 + f_3 + f_5 + f_8$.

Таким же образом вычисляется показатель *шанс на успех*, образуемый состояниями: «везение» {0,1,1}, «соломинка» {0,1,0}, «уверенность в успехе» {1,1,1}, «надежда умирает последней» {1,1,0}. *Шанс на успех* = $f_2 + f_4 + f_5 + f_8$.

²¹ В исходном опроснике каждая из восьми категорий вопросов включала в себя несколько вопросов сходной смысловой структуры {интенция, предвидение, предчувствие}. В результате интеркорреляционного анализа оставлены 8 вопросов, ответы на которые не коррелируют друг с другом, за исключением вопроса 7) (человек «в тупике») и вопрос 4) (человек «ищет соломинку»).

Тем же путем подсчитывается показатель *сила предчувствия*, определяемый состояниями: «осмотрительность» $\{1,0,1\}$, «везение» $\{0,1,1\}$, «убежденность в успехе» $\{1,1,1\}$, «как-нибудь само собой» $\{0,0,1\}$. $\text{Сила предчувствия} = f_1 + f_2 + f_5 + f_6$.

Показатель «сила предчувствия» рассматривался нами как источник для получения важного производного показателя – «ставка на чудо», «вера волшебство». В отличие от Взрослой «силы интенции» («необходимость») и Родительского «шанса на успех» («данность»), «ставка на чудо» (мечта, волшебство), как и предчувствие, есть проявление Дитя. Но оно противоположно предчувствию: чем сильнее предчувствие, тем меньше востребовано чудо. Последнее восполняет дефицит первого: $\text{ставка на чудо} = 1 - \text{«сила предчувствия»} = 1 - (f_1 + f_2 + f_5 + f_6)$.

Итак, уровень внутренней состоятельности испытуемых определялся согласно формуле:

$$\begin{aligned} \text{Внутренняя состоятельность} &= \\ &= (\text{Сила интенции} \rightarrow * \text{Шанс на успех}) \rightarrow * \text{Ставка на чудо} = \\ &= \text{Сила интенции} \end{aligned}$$

Полученные результаты достоверно подтверждают выдвинутую гипотезу. Условие реализма, напомним, заключается в том, что сила интенции индивида совпадает с его внутренней состоятельностью в процессе решения задачи. В результате предпринятого эмпирического исследования гипотеза подтвердилась. Испытуемые, имея дело с «задачей по вкусу», в момент расчета собственных сил проявляют себя как подлинники «реалисты». Их саморегуляция, согласно принятому критерию, отвечает критерию совершенства: интенции, исходящие из эго-состояния Взрослый находят свое адекватное воплощение в эффекте готовности индивида действовать на уровне целого – «триумвирата» Взрослого, Родителя и Дитя.

В контрольной группе (37 человек) испытуемые-студенты были лишены возможности выбирать задачу самостоятельно (им было известно, что задача будет поставлена перед ними преподавателем). Выяснилось, что сила интенций к решению такой задачи значимо ниже, чем в основной группе испытуемых (что, конечно, неудивительно). Главное же состоит в том, что внутренняя расположенность испытуемых контрольной группы решать задачу оказывается значимо *выше* ($p < 0,05$) субъективной интенции к ее решению. «Совершенный контур» саморегуляции мы прослеживаем в ситуациях деятельности, связанных с решением задач «по вкусу», а «несовершенный» – с решением задач «по указанию».

Еще один факт, полученный в этих экспериментах, имеет особое значение при описании проявлений индивидуальности как целостности

во взаимоотношениях с миром. Трудно не обратить внимания на то, что уровень внутренней состоятельности испытуемых обеих групп колеблется вокруг «золотого сечения» (в первой группе это значение равно 0,603, во второй – 0,618). При объединении двух выборок получаем среднее значение состоятельности, равное 0,611 («золотое сечение» равно 0,618). Чем можно было бы объяснить этот факт?

7. «Золотое правило гармонии»

Определяющей характеристикой субъектности индивида является его готовность к самовоспроизводству и, в частности, – благоприобретенный опыт (мы отмечали этот признак ранее – см. первый раздел статьи). Из этого следует: если я однажды добился чего-то важного для своего существования, то в дальнейшем я буду стремиться воспроизвести достигнутое. Положим, моя внутренняя состоятельность на предшествующем витке активности равна W . При этом появляются новые возможности, а значит и новая мотивация действия (объем невоплощенных усилий, «уровень притязаний»).

Теперь я готов «вкладывать» $W = R$ (новый ресурс, равный достигнутому уровню состоятельности) = N (новый уровень притязаний) чтобы в итоге воспроизвести все тоже W , – но уже в качестве цели нового устремления²²:

$$N \rightarrow R' = R \rightarrow R' = W = R,$$

где R' – искомый внешний ресурс.

Как мы уже говорили ранее, логично считать оптимальной взаимную дополнительность (комплементарность) усилий, направленных вовне, R , и – внешних ресурсов, R' , которые при этом осваиваются:

$$R + R' = 1.$$

Таким образом, мы имеем здесь дело с двумя ранее рассмотренными критериями гармонии во взаимоотношениях между притязаниями и ресурсами индивидуальности. Вкладывая и воспроизводя W , я опираюсь на недостающий мне внешний ресурс, в точности равный дефициту ранее приобретенных возможностей. Но ранее мы показали, что уровень притязаний агента в таком случае равен «золотому сечению» (0,618...).

---

²² Заметим, что здесь действует ранее описанный нами постулат «какова амуниция, таковы и амбиции» («что достигнуто, то и вкладывается») (Петровский В.А., 2002б).

И таким образом остается только найти внешний ресурс, позволяющей воспроизвести уровень предшествующих благоприобретений.

Итак, перед нами, своего рода, «золотое правило гармонии» во взаимоотношениях человека с миром:

$$W = W \rightarrow (I - W) = I - W^2,$$

$$W = 0,618 \dots$$

Люди организуют свою активность так, чтобы их притязания удовлетворялись за счет внешних ресурсов, объем которых восполняет дефицит ранее приобретенных возможностей: запрос восполняет дефицит ресурсов («хочу то, чего не имею, и буду иметь то, что хочу»).

Полагаем, что именно это обстоятельство объясняет эмпирическую картину колебания внутренней состоятельности людей при решении разных задач вокруг «золотого сечения».

8. Метаимплективная модель уровня трудности задачи

Рассмотрим еще один сюжет, на этот раз, классический, относящийся к одной из наиболее разработанных глав психологии мотивации. Речь идет об исследовании деятельности человека в ситуации достижения. В какой мере мультисубъектная модель индивидуальности могла бы оказаться полезной для разработки этой классической темы, прежде всего проблематики «уровня притязаний», свободного выбора испытуемыми задач определенной степени трудности?

Определяющую роль в формировании гипотез и построения экспериментов, посвященных данной проблеме, играет «модель выбора риска», предложенная Дж. Аткинсоном (*Atkinson*, 1957; 1964) полвека назад. Она предсказывает существование двух феноменологически различных групп испытуемых: одни из них должны предпочитать, скорее, задачи среднего уровня трудности, а другие – выбирать для себя либо очень легкие, либо очень трудные задачи.

Известно, что модель Аткинсона «приблизительно верно» предсказывает поведение людей в ситуации свободного выбора задачи. Многие исследователи пытались добиться более точных прогнозов (см.: *Худышева*, 2004). Настоящим камнем преткновения служило то, что испытуемые, мотивированные, скорее, успехом, чем неудачей, предпочитали не *средний* уровень трудности задачи, как предсказывала модель Аткинсона, а *повышенный* (трудность решения в диапазоне (0.6-0.7), а не на уровне 0,5, как предсказывала эта модель).

Попробуем подойти к решению данной проблемы, исходя из предложенной нами *метаимплективной модели мотивации выбора* (*Петровский В.А.*, 2002 б). Будем считать, что в ситуации свободного выбора субъектом уровня трудности задачи информация о ее доступности за-

печатлена в его *предвидениях* – *y* («представление о шансе на успех») и *чаяниях* – *z* (*мечты, ставка на чудо, волшебные силы*). «Свободный выбор» задачи определяем как одновременное формирование *интенции* к ее решению (мобилизации усилий) – *x* в сочетании с уровнем *предвидимой* вероятности ее решения – *y* и *мечтой* – *z*.

Как и в ранее рассмотренном нами случае (решение «задачи по вкусу»), ожидаемое удовлетворение от решения задачи соответствует значению метаимпликации $w^* = \langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z \rangle$.

Исходим из следующих трех посылок (*постулатов адекватности предпочтений*):

1) Ожидаемое удовлетворение от решения задачи пропорционально затрачиваемым усилиям; максимуму усилий соответствует максимум ожидаемого удовлетворения (постулат пропорциональности ожиданий; другое название – «постулат интенциональности», в соответствии с принципом интенционального выбора в работах В.А. Лефевра (*Лефевр, 1996; 2004*). Из этого следует: $w = x$.

2) Усилия *x*, мобилизуемые для решения выбранной задачи, пропорциональны предвидимой трудности этой задачи *y_d*; максимуму трудности соответствует максимум усилий (постулат пропорциональности затрат). Поскольку $y = I - y_d$ (доступность = уровень трудности наоборот), имеем $x = I - y_d$.

3) «Амбиции» субъекта, $\langle x \rightarrow^* y \rangle$, пропорциональны ощущению несбыточности мечты, то есть предчувствию неудачи $z_- = I - z_+$ (принимается также, что максимальная выраженность амбиций и предчувствия неудач равно *I*). Из этого следует: $\langle x \rightarrow^* y \rangle = z_- = I - z_+$.

Суммируя сказанное, мы приходим к системе уравнений, описывающих выборы субъектом задач различного уровня доступности:

$$\langle \langle x \rightarrow^* y \rangle \rightarrow^* z_+ \rangle = x$$

(из постулата пропорциональности ожиданий интенциям; «условие интенциональности выборов» В. Лефевра)

$$x = I - y$$

(из постулата пропорциональности затрат предвидимой трудности задачи)

$$\langle x \rightarrow y \rangle = I - z_+$$

(из постулата пропорциональности амбиций предчувствию неудачи)

В результате подстановок и преобразований мы приходим к двум формулам: «рационалиста», выбирающего задачи повышенного уровня трудности (трудность задачи – **0,618** – «золотое сечение»), и «идеали-

ста», действующего либо на минимуме (вероятность решения близка к 1), либо на максимуме своих возможностей (вероятность решения близка к 0).

Метаимплекативная модель мотивации выбора, устраняя неточность прогнозов, вытекающих из модели принятия риска Дж. Аткинсона, позволяет назвать «идеальные точки» предпочтений для двух контингентов испытуемых. «Рационалисты» – это те, у кого Родительские и Детские предпочтения совпадают. «Экстремалы» – те, чьи Детские предпочтения конфронтируют с Родительскими. Так вот, «экстремалы» выбирают граничные значения трудности – либо эпатазирующе простые, либо – сверхтрудные задачи. А «рационалисты» предпочитают задачи, трудность которых равна 62% (субъективная вероятность решения – 0,38). Я думаю, люди, знакомые с «золотым сечением» вообще и «золотыми сечением» как психологическим феноменом (например, по работам Лефевра), увидят в этих числах нечто большее, чем просто числа, – увидят символ некой гармонии.

Взрослое Эго рационалистов во взаимоотношениях с Родителем и Дитя придерживается принципа «Живи и давай жить!». А экстремалы, по сути, рассуждают так (цитирую Владимира Даля (*Пословицы...*, 1957): «Да, дело это нехорошее (Родитель)... А дай-ка попробуем!» (Дитя).

Высказанные соображения возвращают нас к проблеме индивидуальности как мультисубъектного образования. Является ли транзактный контур эффективной саморегуляции способом подлинного учета интересов и возможностей внутренних субъектов, что объединяются под эгидой Взрослого? Думается, лишь частично.

Со временем, в поле ведения экспериментаторов (а не только практикующих психологов) окажутся феномены «разрегуляции» поведения индивидуальности вслед за достижением состояния «отрегулированности» – «странные» реакции людей, хорошо умеющих подчинять своему Взрослому Эго – интересы как Дитя, так и Родителя. В их числе: франкловские неврозы людей, «умеющих жить правильно»; берновские проделки «демона»; лермонтовские мотивы «паруса»; перфекционизм, неудовлетворенность достигнутым и пр. – короче, все то, что автор этой статьи именует общим термином «неадаптивность» (грибоедовское: «шел в комнату, попал в другую»), подчеркивая, вслед за В. Вундтом, а стало быть, опосредствованно, за Г. Гегелем, идею несовпадения целей активности и достигаемых результатов.

Формальные основания для этого вывода следуют из предложенной модели. Положим, Взрослая часть личности в составе индивидуальности представляет собой субъекта эффективной саморегуляции: интен-

ции x воплощаются в адекватную ей готовность к действию $w = x$. Кроме того, указания Родителя y столь же *действены*, то есть они воплощаются в готовность $w = y$. И, наконец, допустим, что «хотения» («чаянья») Дитя также находят действенное, то есть равное им по уровню воплощение в готовности вести себя соответствующим образом, $w = z$. Итак, имеем: $\langle\langle x \rightarrow *y \rangle \rightarrow *z \rangle = w = x = y = z$

Итак, мы имеем дело с двумя феноменами «всестороннего и полного» удовлетворения запросов индивидуальности посредством эффективной саморегуляции – назовем их «сюррегуляцией». Первый ее вариант $\langle\langle 0 \rightarrow *0 \rangle \rightarrow *0 \rangle = 0$: все части индивидуальности одинаково ничего не хотят, ничего не могут дать друг другу, индивидуальность не подает признаков жизни, саморегуляция отсутствует – в ней никто не нуждается. Второй – $\langle\langle I \rightarrow *I \rangle \rightarrow *I \rangle = I$: все части индивидуальности в полном согласии друг с другом, имеют в избытке все, что необходимо каждой части, и, таким образом, нужда в какой-либо саморегуляции отпадает сама собой.

Выводы

1) Индивидуальность – особый полюс личности индивида. В отличие от «личности», погруженности в других людей, это единственность и неповторимость индивида, а, стало быть, она не подлежит удвоению, копированию, имитации. Индивидуальность – потенциал субъектности, но сама не есть субъект, а, скорее, «республика субъектов», единомножие «я».

2) В транзактных категориях описания, индивидуальность есть совокупный потенциал эго-состояний, «непостижимое» (неотразимое) условие саморегуляции.

3) Транзактный «контур саморегуляции» в структуре индивидуальности определяется следующими моментами: субъект саморегуляции представлен эго-состоянием Взрослый; объектом саморегуляции выступает эго-состояние Дитя; посредник в процессах саморегуляции – эго-состояние Родитель.

4) Механизм саморегуляции представлен метаимпликацией:

$$\langle\langle x \text{ Взрослый} \rightarrow *y \text{ Родитель} \rangle \rightarrow *z \text{ Дитя} \rangle.$$

а) Ближайший результат совершенной саморегуляции есть готовность Взрослого поступать согласно своим собственным намерениям, или, говоря другими словами, – внутренняя состоятельность индивидуальности при достижении собственных (разумных) целей:

$$\langle\langle x \text{ Взрослый} \rightarrow *y \text{ Родитель}_b \rangle \rightarrow *z \text{ Дитя} \rangle = x.$$

б) Несовершенная саморегуляция – это, в частности, драйверное поведение, при котором Взрослый не может противостоять Родителю:

$\langle \langle x \text{ Взрослый} \rightarrow *y \text{ Родитель} \rangle \rightarrow *z \text{ Дитя} \rangle = y,$

или импульсивное поведение, «сходы с драйвера», при которых Взрослый не способен справиться с диктатом Дитя:

$\langle \langle x \text{ Взрослый} \rightarrow *y \text{ Родитель} \rangle \rightarrow *z \text{ Дитя} \rangle = z.$

5) Ставя перед собой «задачу по вкусу», индивид обнаруживает способность к совершенной саморегуляции (сила интенции и внутренняя расположенность к действию совпадают).

6) «Золотое правило гармонии» во взаимоотношениях индивидуальности с собой и миром имеет вид $W = W \rightarrow (I - W) = I - W^2$, символизируя тот факт, что люди, запрашивая то, чего не имеют, и достигая то, что запрашивают, мобилизуют объем усилий W , соответствующий «золотому сечению».

7) Модель саморегуляции позволяет уточнить эмпирическую картину свободного предпочтения людьми задач, отличающихся уровнем сложности, составляя альтернативу к модели принятия риска Дж. Аткинсона.

8) Саморегуляция рано или поздно заканчивается «разрегуляцией», в силу того, что эго-состояние Взрослый не может быть отождествлено в своих предпочтениях с эго-состояниями «использованных» при этом Родителя и Дитя.

9) Гипотетический результат саморегуляции – полнота проявления потенциала всех субъектов, образующих индивидуальность, – недостижимая цель; она не может быть предвосхищена Взрослым, обеспечена Родителем, отвоевана Дитя. Существуют всего два варианта подобной гипотетической сюррегуляции («всестороннего и полного удовлетворения потребностей» посредством «эффективной саморегуляции»); в первом из этих вариантов саморегуляция, по сути, бессмысленна: в первом случае, $\langle \langle I \rightarrow *I \rangle \rightarrow *I \rangle = I$, ее осуществлять незачем, во втором, $\langle \langle 0 \rightarrow *0 \rangle \rightarrow *0 \rangle = 0$, – некому.

10) Могут быть обозначены и противопоставлены друг другу два подхода к пониманию индивидуальности и, соответственно, места саморегуляции в ее структуре: три лица одного субъекта *versus* три субъекта одного лица.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимова М.В. Внутренний диалог в решении творческой задачи. Диплом работа ст. 4 курса факультета психологии кафедра психологии личности, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
- Асмолов А.Г. Психология индивидуальности: Методологические аспекты развития личности в историко-эволюционном процессе. – Москва: Изд-во МГУ, 1986а.

- Адамович Г.* Зинаида Гиппиус. // Зинаида Гиппиус. Живые лица. Санкт-Петербург. Изд. «Азбука-классика», 2004
- Белинская Е.П.* Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. «Прометей». МПГУ, 2005
- Берн Э.* Транзактный анализ в психотерапии. М., 2001
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. – Екатеринбург: 2004.
- Джойнс В., Стюарт Я.* Современный транзактный анализ. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
- Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.:Наука,1980.
- Конопкин О.А., Моросанова В.И.* Структурно-функциональный подход к исследованию саморегуляции произвольной активности человека // Московская психологическая школа: История и современность /Под общей редакцией В.В. Рубцова. М.: Психологический институт РАО, Московский городской психолого-педагогический университет, 2004. Т.1 Кн.1: Фундаментальные проблемы общей психологии. 448с./ С.421-431.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Лепский В.Е.* Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Препринт под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского – М.: Когито-Центр. 2007.
- Лефевр В.А.* Алгебра совести. М., 2004.
- Лефевр В.А.* В. Космический субъект. М.: Ин-квартио 1996.
- Максимова С.В.* Творчество: созидание или деструкция? – М., Академический проект, 2006.
- Маркина Н.М.* Соотношение ситуативной и надситуативной активности одаренных учащихся. Автореферат на соиск. уч. ст. к. пс. наук, 2003
- Митина О.В., Петровский В.А.* Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов // Мир психологии. №4, 2001.
- Митина О.В., Петровский В.А.* Транзактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования // Образование и наука. Российская научно-методическая конференция 6-7 февраля 2004 г.: Сборник статей. Самара, 2004. С. 138 – 145.
- Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции, М., 1998
- Моросанова В.И.* Субъект и личность в исследованиях осознанной саморегуляции произвольной активности человека (Введение) // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И.Моросановой. М.: ПИРАО. 2006. . 320с. С.3-10.

- Петровский А.В., Петровский В.А.* Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000, N5.
- Петровский В.А.* К психологии активности личности // Вопросы психологии, N3, 1975.
- Петровский В.А.* Активность как «надситуативная деятельность»: Тез. научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976.
- Петровский В.А.* К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии, 1981, N 2.
- Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992.
- Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов на/Д: Феникс, 1996.
- Петровский В.А.* Метасловарь транзактного анализа (предисловие) // Берн Э. Транзактный анализ в психотерапии. М., 2001.
- Петровский В.А.* Транзактная модель рефлексивного выбора. Рефлексивные процессы и управление: Тез. III Международного симпозиума. М., 2001а.
- Петровский В.А.* Модель рефлексивного выбора: транзактная версия. (июль 2002) (рукопись, см. www.petrovskiy.ru).
- Петровский В.А.* "Эго-состояния" и готовность к рефлексивному выбору: Тез. конференции по практической психологии // Ежегодник Российского психологического общества: Психология и ее приложения. М. 2002а. вып. 9.
- Петровский В.А.* Метаимпlicative модель экзистенциального выбора. // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самарский научный центр РАН, 2002б.
- Петровский В.А.* Мультисубъектная персонология: Сб. трудов конференции Института экзистенциальной психологии и жизнестворчества. М., 2004. – 0,8 п.л.
- Петровский В.А., Таран Т.А.* Модель рефлексивного выбора: транзактная версия // КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием: Тр. конференции. Т. 1. М.: Физматлит, 2002.
- Петровский В.А., Т.А. Тунгусова Т.А.* Влияние прогноза на развитие событий. Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Ч.1. Даугавпилс, 1985.
- Петровский В.А.* Уровень трудности задачи: метаимпlicative модель мотивации выбора. // Психологический журнал. М., N 1, 2006

- Петровский В.А.* Импликация: экспликация имплицитного // Рефлексивные процессы и управление. М., 2006
- Пословицы* русского народа. Сборник В. Даля. Государственное издательство художественной литературы. Москва 1957
- Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. Москва, 1973. С. 337
- Таран Т.А.* Многозначные булевы модели рефлексивного выбора //Рефлексивное управление / Сборник статей. – М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2000, с. 122 – 132.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 тт. / Под ред. Б.М.Величковского. М.: Педагогика, 1986.
- Худышева М.К.* Условия становления личностной состоятельности будущего профессионала. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени к. пс. н., Москва – 2004
- Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. Москва, Логос. 2006
- Atkinson J.W.* Motivational determinants of risk-taking behavior // Psychological Review. 1957 N 64.
- Atkinson J.W.* An Introduction to Motivation. N. J.: Princeton, 1964.